

Мария Британ

ЧУВСТВУЙ
СЕБЯ
КАК ДОМА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44
Б87

Мария Британ
ЧУВСТВУЙ СЕБЯ КАК ДОМА

Дизайн обложки *Владислава Воронина*
Иллюстрации на обложке *Тамары Герасун*

Британ, Мария.
Б87 Чувствуй себя как дома : роман / Мария Британ. — Москва:
Издательство АСТ, 2019. — 432 с.

ISBN 978-5-17-117685-3

Спустя много лет Анна возвращается к морю, где давным-давно потеряла память и... семью. Она хочет выяснить, что же случилось с мамой в тот страшный день — в день пожара, — и ради этого пойдет на все. Но на ее вопросы местные жители ничего не отвечают — они не желают, чтобы Анна вспоминала. Молчит и море. Море — предатель: оно-то точно все знает. Так, может быть, ответят дома?

История Анны уже близко: скрипит половицами, лязгает старыми замками, звенит разбитой посудой — нужно только прислушаться, открыть дверь и... старый дом раскроет все тайны. Только нужно ли было Анне о них узнавать?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-17-117685-3

В оформлении издания использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com
© Мария Британ, 2019
© Тамара Герасун, иллюстрация, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Моей Ласточке,
рядом с которой всегда тепло

*Не навещай меня
Или входи без стука.
Не издавай ни звука
И не блуждай одна.*

*Скрипит, рыдает пол.
Зажмурься. Видишь, Тора?
Квикстен танцуют шторы,
И дверь забила гол.*

*Под скрипку пляшет дом.
«Тик-так», — чеканит сердце.
Тик-так. Тик-так. Два герца.
Позволь мне быть смычком.*

*Кромсает пол трава.
Фальшивят все пластинки:
У них сейчас поминки.
Как жаль, что ты мертва.*

1

Захар

Начало 80-ых

[До]

Я слышу их. Они — моя стая. Друзья с тикающими сердцами марки Zahnrad*.

У них есть глаза. И руки, и рот — все как у людей. Они радуются, грустят, ненавидят. О, ненавидят они по-особенному. И если ты гребаный турист, читающий мой дневник и блуждающий по обломкам свихнувшегося дома, знай: ты на две трети покойник, Вячеслав. Ты же не против, если я буду называть тебя Вячеславом? Мое любимое имя!

Надеюсь, тебе нравится.

Ты по-прежнему здесь? Дай угадаю: ты идиот. Нет? Тогда все хреново. Двери закрыты. Ключи похоронены. Окна заколочены. Поздравляю, ты попал в ловушку. Этот дом — могила. У него слишком прочные стены — ты не пробьешь их, и чересчур хрупкие потолки — пара булыжников проломают тебе череп.

* Zahnrad — шестеренка (нем.). — Здесь и далее, если не указано иное, примечания автора.

Твоя кровь смочит страницы моего дневника. Чернила расплывутся. Моя история умрет в твоих эритроцитах. Чтоб тебя.

Не ожидал, что сдохнешь?

Если ты читаешь это, я тоже не ожидал.

Ищи *его* сердце, Вячеслав. Не медли. Вдруг оно тикает где-то поблизости, за холодильником, облепленным наклейками из упаковок жвачек? Ты успеешь.

Я всегда успевал.

Когда найдешь часы с выгравированной под циферблатом надписью Zahnrad, разбей их. Вытащи батарейки. Залей кровью. Сделай так, чтобы они навечно заткнулись.

У тебя будет ровно минута на спасение. Шестьдесят секунд. Не больше. Не меньше. Дом пунктуален.

Подумай, сколько шагов тебе понадобится, чтобы выбраться через дверь у окна?

А через ту, что около шкафа?

Или у тумбочки-развалюхи, где ты нашел чьи-то череп и туфли?

Найди кратчайший путь. Слышал об алгоритме Дейкстры*? Вообрази, что до крыльца тебе идти миллиарды лет. Рассчитывай ходы в комнатах. Выбери минимум.

Задача на пять баллов и жизнь в подарок. Ошибешься — сгоришь вместе с домом.

Это несложно.

Я ошибся всего раз.

Найди кратчайший путь или шипи на сковороде.

* Алгоритм Дейкстры — алгоритм на графах (абстрактных объектах, представляющих собой множество вершин, соединенных линиями). Ищет кратчайшие пути от одной из вершин до всех остальных.

Представь: жена звонит тебе и щебечет, что ты выиграл в любимой лотерее. Но на кой тебе эти деньги, если ты скоро поджаришься?

Надеюсь, уяснил.

А сейчас — вперед.

Попытайся спасти мою историю.

* * *

Я скольжу пальцами по шершавой кирпичной стене. Мне пять. Я люблю игрушечную железную дорожку, подаренную батей на день рождения. Это же улет! И пусть паровоз по ней не ездит. Пусть он с браком. Я едва уломал матушку, чтобы она его не выкидывала и не меняла.

А еще я люблю предков. Пинать камни. Пугать всех вокруг и нырять в волны.

Я хорошо плаваю.

Матушка переживает, что со мной не дружат сверстники. Я объясняю ей — зря.

Домá, хоть и не сверстники, но тоже ничего.

Не помню, когда это началось. Но раньше, чем я научился говорить.

Матушка водит меня к врачу. Тот показывает картинки, а я замечаю не то, что следует обычному мальчику. Да, чудовище. Да, с тремя желтыми глазами на каждой из голов. Если бы оно жило в нашем доме, его морды выглядывали бы из окон чердака. Вот смеху-то было бы! Я бы кормил его блинчиками.

Матушке не нравится мое воображение. Она его удалит, точно. Поэтому мне страшно к ней приближаться, когда она держит нож. По ночам матушка жалуется батю, что со мной *что-то не так*.

Если честно, я боюсь. Вдруг она выгонит нас с бракованным паровозом из дому? Интересно, есть ли пункты обмена детей?

Однажды за завтраком матушка цапает меня за запястье и просит, чтобы я никому не говорил о друзьях-домах. Наверное, боится, что я буду выглядеть странно.

Я обижаюсь на матушку, и дом обижается вместе со мной.

Со стола падает стакан. Матушка уверена, что пихнула его локтем.

Но я в курсе: это дом грустит. Дом хочет дружить с ней. А она — нет.

Его сердце в подобные моменты тикает чаще обычного. Предки удивляются, почему часы спешат, и возвращают стрелки обратно.

Дому больно. Он плачет — протекает крыша. Всегда — хоть чини, хоть не чини.

Ты до сих пор здесь, Вячеслав? Неужто не нашел часы?

Тогда читай вслух. Поднимись и постарайся не задохнуться. Хрусти лопатками, не опускай глаза. Вот так. И подбородок — выше.

Не бойся смерти, пока она не скажет: «Здравствуй. Как поживаешь?»

* * *

Мне шесть. Матушка бросила попытки сделать меня *нормальным*. Не обращает внимания, как я жмусь к стене и что-то бормочу. Ну и ладно. Зато со мной дружат протекающая крыша и половицы.

Я спрашиваю у дома:

— Как жизнь?

А он отвечает:

— *Отлично.*

Спрашиваю:

— Почему я?

А он отвечает:

— *Ты славный мальй.*

Спрашиваю:

— Я случайно не псих?

А он отвечает:

— *У тебя просто протекает крыша.*

Не бойся безумия, пока оно не скажет: «Здравствуй.
Как поживаешь?»

Мне семь.

Со мной по-прежнему не дружат сверстники. Я хожу в школу. Мертвую школу. По крайней мере, она молчит. Я пробовал с ней заговорить, а она ни в какую. Или упрямая, или и правда сдохла.

Может, она невзлюбила учеников. Может, виновато сердце-часы — здесь оно тикает тише, чем дома.

Может, школа больна.

Мне так и не удалили фантазию.

И почему матушка до сих пор не обменяла меня на кого-то получше? На что она надеется?

Впрочем, паровоз я тоже не обменял. И ни на что не надеюсь.

Мне восемь.

Я провожу все свободное время у себя в комнате. Прижимаюсь к обоям так, что краснеет ухо — иногда дом шепчет чересчур неразборчиво.

Одноклассники обзывают меня маменькиным сынком. А все потому, что я отправляюсь домой в шесть, ведь уже темнеет. Я боюсь. Ночью голоса домов особенно различимы.

Одноклассники обзывают меня кирпичом. А все потому, что я часто прислушиваюсь к стенам, сливаюсь с ними. «И лицо приплюснутое», — заявляет Пашка, главный придурок поселка, — долговязый, с белыми-белыми седыми волосами, хотя ему всего восемь, и с длинными, девчачьими ресницами. Странно, что над ним никто не подшучивает.

Одноклассники обзывают меня сумасшедшим. А все потому, что моя крыша протекает.

Мы с домом — близнецы. Только я не давлюсь штукатуркой.

В первый день осени банда во главе с Пашкой перелезает через забор и кидает камни в мое окно.

Маменькин сынок.

Кирпич.

Сумасшедший.

Осколки летят в разные стороны. Сердце дома тикает быстрее и быстрее и, должно быть, спешит на часов сорок. Больно, больно. Как же ему больно.

Мальчишки гогочут. Они попали в цель и проучили негодяя.

Я не успеваю увернуться — камень попадает мне в лоб — и растекаюсь лужицей по полу.

Мальчишки грозятся меня закопать, скормить крысам, законсервировать вместо огурцов. Но вскоре крики обрываются. Я с трудом доползаю до подоконника и пялюсь в окно: у Пашки из носа льется кровь — пачкает рубашку, капает на траву. Рядом — разбитый горшок с землей и пока не проросшими матушкиными цветами.

— Спасибо, — мямлю я, глядя стену.

Дом меня защищает.

Мы — друзья.

Этим же вечером к нам заявляются предки Пашки и визжат, что я сломал их сыну нос.

— А вы нам окно разбили, — парирует батя. — Смотрите, что у Захара на лбу!

К тому времени моя шишка приобретает размеры Земли.

— Ваш Паша перелез через забор, — подключается матушка, глядя меня по башке с таким усердием, что я боюсь, не останусь ли лысым.

Они грызутся, наверное, вечность — я успеваю сосчитать до ста и обратно — а после разбегаются как ни в чем не бывало, мысленно посылая друг друга к черту. Я молю, чтобы нас с домом никто не тронул.

За ужином предки косятся на меня с опаской, и матушка не выдерживает:

— Нельзя кидать горшки, Захар. Ты же это понимаешь? — Она отодвигает тарелку, выпрямляется, вытягивается и, кажется, худеет, как кусок теста. Длинная-длинная матушка стремится к потолку. — Они поступили ужасно. Но и ты не лучше.

Я засасываю спагетти и мотаю головой:

— Это не я.

— А кто?

— Не я.

— Не ври нам, Захар, — встречает батя.

— Я не вру.

Матушкина макушка достает до потолка, дом изгибается дугой.

А потом мне на целых четыре недели запрещают гулять после школы. Жаль, ведь я люблю знакомиться с новыми домами.

Постепенно матушка приобретает прежние размеры и отправляется мыть посуду.

Ночью, когда предки умолкают, я прислоняюсь ухом к стене и спрашиваю:

— Тебе больно?

А дом отвечает:

— *Будет фингал.*

* * *

В начале каждого месяца к нам забегает соседка, местный милиционер*. Я не в курсе, зачем мы ей понадобились, но она без усталости болтает, какой ухоженный у нас огород, и дарит яблоки (или клубнику, смородину — по сезону), хвастаясь, что у нее много уродилось. Зимой приносит пироги. И так во все дома.

Люди говорят, она не в себе. Что ее бросил ухажер, и от страданий ее психика превратилась в сельдь под шубой, причем шубой очень-очень толстой.

Но я им не верю. Она поворачивается ко мне и, точно лучами, пронизывает взглядом. Не как предки, будто соперничает, будто дошло до нее, что у меня воспаленная фантазия.

— Добрый день. А я вам фрукты принесла. Дай, думаю, порадую любимых соседей. — И топчется на пороге с корзиной яблок.

Ох, как же она мне не нравится.

Предки жалеют соседку, впускают, а я обычно прячусь в прихожей за шкафом, но она неизменно меня находит. *Специально.*

— Какой замечательный у вас мальчишка! Почему он в углу?

* Действие книги происходит ранее 2011 года, когда был принят закон о переименовании милиции. — *Примеч. ред.*

— Играет, — оправдывается матушка. — Это... детский невроз. Воображает, что дома живые.

— Вы водили его к врачу? — Она поправляет блондинистые косы и пялится на меня, не моргает — глаза вот-вот выпадут. Ух, ведьма.

— Да-да...

Еще чуть-чуть, и корзина затрещит — так сильно она ее стискивает.

— Думаю, это детская фантазия. Но я бы не распространялась на вашем месте...

Странный совет. Даже я, восьмилетний ребенок, это понимаю.

Соседка взлохмачивает мне волосы, задевает плечом стену, что-то ищет, но безрезультатно. После ее визитов дом долго молчит. Он боится, но никогда не признается, чего именно.